

О ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГОРОДСКОГО ТЕКСТА Д. КУЗНЕЦОВА (Sobre el componente petersburgense del texto urbano de Dmitriy Kuznetsov)

Людмила Григорьева
Санкт-Петербургский государственный университет

Liudmila Grigorieva
Universidad Estatal de San Petersburgo

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española № 7 (2011), 187-192

RESUMEN

En dado artículo, la prosa del escritor contemporáneo Dmitry Kuznetsov es examinada en el contexto de la prosa de Petersburgo, cuya nueva etapa de desarrollo actualiza *el topos* (pattern, modelo, lo común) de Petersburgo, fijando los procesos artísticos de la creación del espacio postleningradense, semejante a los que ocurrían en los años 20, en el período del "cierre" del texto de Petersburgo.

Se presta especial atención al análisis del elemento paródico en los textos del escritor, provocado en mucho por el carácter específico de la época transitoria literaria.

Palabras clave: texto petersburguense, elemento paródico, espacio, *topos*

РЕЗЮМЕ

В данной статье проза современного писателя Дмитрия Кузнецова рассмотрена в контексте петербургской прозы, новый этап развития которой актуализирует петербургский топос, фиксируя художественные процессы создания постленинградского пространства, сходные с теми, что происходили в 1920-е гг, в период «закрытия» петербургского текста. Особое внимание уделено анализу пародийности в текстах писателя, во многом спровоцированной спецификой переходной литературной эпохи.

Ключевые слова: Петербургский текст, пародийность, пространство, топос

Проза Д. Кузнецова принадлежит к феномену «петербургской нео-прозы», которая рассматривается современными исследователями как «художественная система, целостность которой обусловлена обращением к традиции петербургского текста XIX – начала XX веков, концептуальностью образа города, мотивной структурой, ориентированностью на классические образцы жанра петербургской повести» (Ермоченкова 2008). Его тексты, отмеченные экзистенциальным осмыслением повседневности и обнаруживающие связь с поэтикой «городской прозы», имеют ряд характерных для новейшей урбанистической литературы признаков: реконструируется социокультурная среда мегаполиса, отражается уровень перестроенных общественных тенденций, фигурирует в качестве центрального персонажа знаковая фигура интеллигента, представителя научной и творческой среды (известный профессор, музыкант, иностранный стажер, сотрудник международного отдела университета), озабоченного проблемой адаптации к изменившемуся социуму.

Воссоздавая постленинградское пространство, Кузнецов использует основные составляющие петербургского текста, достаточно часто эксплуатируя приемы иронического либо пародийного переосмысления его художественных констант. Схожие процессы наблюдались в 20-е гг., структура ленинградского текста фиксировала

процесс деиерархизации внутри объектного ряда петербургского пространства, но сумма канонических петербургских объектов не менялась. Ленинградское пространство оставалось изоморфным петербургскому, равно как и постленинградское, их тождественность становилась заметной в силу их общей «оппозиционности» по отношению к прочему миру. И это обстоятельство - одно из свидетельств открытости петербургского текста, хотя вопрос о его границах, поставленный в свое время В.Н.Топоровым (Топоров 1995), до сих пор провоцирует дискуссии. В стремлении реанимировать «завершающий» себя петербургский текст (20-е гг.) или в поисках самоидентификации наполнить содержанием формально возвращенное имя города (90-е гг.) авторы и того и другого «пост-текстов» склонны к усиленному варьированию канонических мотивов «первичного» текста, к перенасыщению ими своих текстов и к излишней последовательности в соблюдении петербургского канона, что нередко провоцирует невольную пародийность. Но чаще авторы осознанно эксплуатируют пародийные приемы, овеществляя метафоры, конкретизируя абстракции, трансформируя эсхатологический мотив, деформируя и «образ героя и петербургские обстоятельства». Постленинградский текст 90-х, фиксируя смену пространств, по модели 20-х, стремился к деструкции ленинградского, избирая в качестве претекста петербургский.

Рассказ Кузнецова «Машина» (1992), наиболее эквивалентный петербургскому тексту, представляет собой пародическую стилизацию повести Гоголя «Шинель», в нем активно эксплуатируются приемы комического перепева гоголевского текста. На уровне номинации – анаграмма, фиксирующая тематическую эквивалентность текста и претекста, совпадаемость смысловой нагрузки лексикодов «шинель» и «машина». Персонажная система обнаруживает трагическое воплощение маленького человека (петербургский чиновник Башмачкин – ленинградский инженер Скороход), актуализируя «нарушенные реальные пропорции» гоголевского персонажа: «Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели все на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же старшим инженером; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, с логарифмической линейкой и с лысиной на затылке» (Кузнецов 1993: 84). Так же активно эксплуатируется сюжетная схема гоголевской повести – мечта героя о машине, перипетии и эмоции, связанные с ее обретением, ее потеря, обращение за помощью к значительному лицу, смерть, оживление мертвеца, возмездие. Автор интенсивно использует прием подмены петербургских реалий ленинградскими: НИИ, ГАИ, подшефный колхоз, годовой отчет, овощная база, коммунальная квартира, ударник коммунистического труда, трамвай, тренировочный костюм, ДОСААФ, наркологический диспансер, автошкола etc., комически трансформирует узнаваемые мотивы – обиды, возмездия, искушения, соблазна, подвергая деструкции ленинградское пространство. Его неавторитетность обнажена в ряде текстовых ситуаций именно подменой реалий в сохраняющей себя структуре гоголевского нарратива. Ситуация посещения героем значительного лица банализирована детальной прорисовкой комплекса советских топосов: «Потом значительное лицо позвонил в РОНО и договорился, чтобы в специализированную школу с английским уклоном приняли племянника его школьного друга, затем говорил об устройстве в гостиницу одного знакомого, с которым познакомился в прошлом году в Кисловодске, потом позвонили ему и попросили устроить в институт сына одного армянского товарища, потом он звонил знакомому проректору и договорился,

что в их институт придет молодой человек по фамилии Дивян, и просит он за него, потому что его самого об этом попросили. Потом снова звонили ему, потом снова звонил он. Див Дивович снова терпеливо ждал» (Кузнецов 1993: 94) Прием обыгрывания петербургско-ленинградских коррелятов обнажает авторскую мысль о постоянстве петербургских «обстоятельств», включая климатические образы: «Что ж делать! Виноват ленинградский климат» (Кузнецов 1993 83); «Он шел по Невскому проспекту, разинув рот, то и дело натываясь на пешеходов, перед которыми ни разу не извинился, так как не в силах был сказать ни одного слова. На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию ленинградского климата, болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился врач, то, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать антигриппин, единственное, что знал, что давать в таких случаях и чтобы больного не оставлять уж вообще без помощи медицины, а впрочем, тут же соседке объявил, что через полтора суток капут» (Кузнецов 1993 95). Здесь пародийно трансформируется гоголевская интенция о беспомощности человека перед «властью высших стихий». Таким образом обнаруживает себя изоморфность ленинградских кодов постленинградского текста кодам петербургского.

Склонность Кузнецова к пародированию основных составляющих петербургского текста, от климатических до мифопоэтических, связана с попыткой художественной реализации метафоры Петербурга как «гиблого места». Часто в его текстах маркируются известные петербургские погодные обстоятельства – дождь, снег, грязь, ветер: «В Париже весна – сезон любви, в Петербурге – слякоти» (Кузнецов 2003: 369). В их изображении автор охотно прибегает к приему остранения. В повести «Чужая ночь» (2003) повествование организовано точкой зрения иностранца – эксплицируются абсурдность, миражность петербургского мира, описываются механизмы выживания в чужом, патологическом пространстве: «Я абсолютно согласна с Казановой, в этом городе действительно чувствуется «близость пустыни и Ледовитого океана». Особенно сегодня, в этом вонючем общежитии» (Кузнецов 2003: 312). Топосность в описании климатической константы, сгущенность «привычных» погодных примет придает иронический оттенок повествованию: «Ночь. За мутным от липкого снега окном – порывы ветра. Стекло с разбитой форточкой угрожающе дрожит. Кажется, темнота летит над городом, тихо маша крыльями. У меня нет часов. Я не знаю, сколько времени и когда ночь поломает хоть одно крыло. А может, солнце вообще никогда не взойдет?» (Кузнецов 2003: 277) Авторская интенция проявляет себя в постановке вопроса – как же можно жить в таком городе? Ответ обнаруживается в пародийной эксплуатации очередной петербургской константы – немотивированной привязанности к «гиблему месту». Приехавшая в Петербург французская преподавательница, выпускница Сорбонны, живя в общежитии с разбитым окном и помойкой под ним, ходя по улицам города, которые выглядят так, словно туда свезли тонны мусора, находит ответ на «извечный русский» вопрос, в чем заключается загадка русской души: «Только в одном: русские ненавидят порядок и здравый смысл. В этом их экономическая слабость, но огромная духовная сила» (Кузнецов 2003: 307), но не находит ответа, задаваясь другим «извечным» вопросом: «Вот уже полтора года я живу в этом вонючем общежитии и до сих пор не могу понять – зачем я здесь?» (Кузнецов 2003: 306). Попытка повествовательницы формально мотивировать привязанность к Петербургу деньгами и прочими материальными факторами не находит обоснования в смысловой структуре текста.

Мотив привязанности к городу на уровне авторской интенциональности поддержан важнейшим в структуре кузнецовского текста мотивом питания. В «Чужой жизни» прием остранения (рецепция иностранца) обеспечивает пародийную актуализацию ряда русских алкогольных обычаев: «Я давно заметила, что в России после банкета мужчины часто прихватывают с собой недопитое вино, а потом по дороге допивают его на улице или в подъезде. Но самое интересное – это то, что западные дипломаты, проработав в Петербурге всего лишь несколько месяцев, очень быстро усваивают эту привычку. .... Такой вкусной водки я еще никогда не пила. Отказавшись от дольки мандарина, я закусила морозом» (Кузнецов 2003: 308). Оппозиция «мороз» vs «мандарин» прочитывается либо как интенция текста, либо как «неловкость» автора, оказавшегося в плену топосов, последнее чревато невольной самопародией.

Персонажи Кузнецова, пародируя гоголевских, ищут спасения в гиблом городе, но условием спасения становится алкоголь. Успех коммуникации почти всегда обеспечен алкогольной общностью. Где нет этого звена, там провал коммуникации. Водка и остальной арсенал напитков несут в себе пародийную и более того, автопародийную идею спасения в гиблом петербургском пространстве, и не только петербургском. Мотив питания определяет сюжетные перипетии повести «Сердце у всех стучит слева» (1996), структура которой содержит ряд автобиографических признаков (описываемые в повести ситуации связаны с работой автора в международном отделе петербургского политехнического университета), будучи заявленным уже в экспозиции текста: «Самолет Аэрофлота» на котором должен был прилететь Клаус Штайхель, опаздывал, и это стало меня раздражать. А может, меня раздражало, что я не пил ровно неделю, и безумно смешно было наблюдать за трезвой жизнью» (Кузнецов 2003: 7) Описание возлияний в их бесконечности и разнообразии отсылают к алкогольным мотивам в текстах С.Довлатова и В.Ерофеева, маркирующим уровень экзистенциальной «тоски» или «тошноты». Одни из самых частотных лексикодов текста – «выпить», «чокнуться», «наполнить», «налить», «водка», «коньяк», «виски», «бутылка», «ларек».. Основные персонажи, фигуранты возлияний – приехавший в Петербург немецкий профессор и принимающий его представитель международного отдела одного из университетов. Алкоголь играет решающую роль в становлении доверительных отношений между персонажами, принимая функцию некоего пароля: - Профессор Штайхель, - обратился я к Клаусу, - у Вас есть что-нибудь выпить? Крупный немецкий ученый, директор института и научного центра. Лауреат всевозможных премий и почетный доктор двадцати университетов мира, чья фамилия значится в книге “Who is who”, в смятении посмотрел на меня. ...протянул мне плоскую бутылку виски» (Кузнецов 2003: 11). Сам автор не считает алкогольную тему главной в своем творчестве, он настаивает на том, что алкоголь – «только фон», что «лейтмотив – это русская тоска интеллигента, который боролся за «рынок», а стал голодранцем» (Политехник 1996). Тем не менее, он не отрицает, что мотив саморазрушения – один из главных его прозы. Неслучайно героев Кузнецова сравнивают с «малопривлекательными персонажами из книг Довлатова» (Политехник 1996).

В контексте мотива саморазрушения дезавуируется и одна из важнейших констант петербургского текста – его культурный статус. В смысловой структуре рассказов конца 80-х, фиксирующих ситуацию перестроечного хаоса, оппозиция «петербургские обстоятельства» vs «культура» получают пародийную конкретизацию.

Персонаж рассказа «Это судьба» (1987) – известный музыкант, после концерта в Петербургской филармонии отправляется в поход за алкоголем. В магазине, попав в огромную толпу перед кассой, героически оберегает, бережно прижимая к себе, раритетную скрипку, но вечером, после распития обреченно лихо исполняет на скрипке плясовую. В рассказ «Монархист» (1989) эксплицитно пародируется монархическая идея: собрав на митинге на Дворцовой площади немного денег, комически ряженые монархисты 90-х, ратующие за «благородную идею», отправляются скромно отметить свою уличную акцию ... в общественный туалет: «Человек пятнадцать во главе с Главнокомандующим и отцом Серафимом сворачивают на улицу Плеханова. У серого дома с лепными медальонами по карнизу монархисты ныряют по ступенькам вниз и спускаются в кооперативный туалет, в котором пахнет мочой и жареной курицей.

- Варвара Николаевна, а вот и мы, - нагибаясь под косяком, отдает честь Главнокомандующий.
- Наконец-то, а я заждалась. И курица, и брусника – все готово. Закрывайте двери на крюк, - кричит она вновь входящему и ставит на тумбочку икону» (Кузнецов 1993: 45) Смысловые оппозиции «скрипка» vs «плясовая», «икона» vs «общественный туалет» гротескно дезавуируют культурные «претензии» постленинградского пространства.

Концепция «нелояльности» города обнаруживает себя и в историческом романе «Перед взрывом» (1999), написанном к столетию основания Политехнического университета и повествующем о событиях начала века. В критике отмечается связь между эпохами, между «тем бардаком, который представляло русское общество в годы революции» (Рекشان 1999) и современным обществом. Кузнецов, по мнению критики, точно воссоздал «атмосферу государственных интриг и политиканства на фоне становления империи, отразив двойственность в поступках русского человека, который и тогда стремился совместить личные интересы с государственными» (Иванов 1999). Специализируясь на разработке микротем петербургского текста, Кузнецов избирает в качестве микрообъекта петербургский политех. Название романа соответствует объекту своей официальностью и патетикой, почти отвечая принципам поэтики соцреализма. Но уже экспозиция текста нарушает «горизонт читательского ожидания». Исторические и политические контексты оживлены детективным сюжетом, этнографическими зарисовками, элементами микропоэтики комического, пародийными подтекстами, свойственными поэтике Кузнецова в целом.

Иронические «петербургские» маркеры концентрируются на периферии текста, на границе «негатива» и «позитива» в авторской рецепции петербургского топоса. В арсенале позитива присутствуют устойчивые в своей функциональности архитектурные приоритеты. Иллюстративен эпизод, в котором описываются архитектурные особенности здания университета: «Основная задача любого ваятеля – преодоление земного притяжения, и архитектор Э.Ф.Виррих справился с ней блестяще ... в нем присутствовало какое-то неуловимое сходство с афинским Парфеноном», и впечатление от его созерцания иностранцем, который, любуясь безупречными архитектурными формами, «даже забыл, зачем прибыл в Россию» (Кузнецов 2009: 74) «Негатив» также давно канонизирован в структуре петербургского текста и одна из его составляющих – «петербургские обстоятельства». Негативные коды доминируют в тексте романа. Как пишет В.Топоров, «ни к одному городу в России не было обращено столько проклятий, хулы, обличений, поношений, упреков, обид,

сожалений, плачей, разочарований, сколько к Петербургу, и Петербургский текст исключительно богат широчайшим кругом представителей этого «отрицательного отношения к городу, отнюдь не исключаяющего (а часто и предполагающего) преданность и любовь» (Топоров 1995: 263). И петербургский текст Кузнецова отличается той же амбивалентностью. У одного персонажа (Столыпина) «беды начались с переездом в Петербург» (Кузнецов 2009: 93), другой (немецкий шпион, прибывший в университет в качестве преподавателя) был избит до полусмерти и ограблен в первый же день приезда из Германии рядом с вышеописанным шедевром архитектуры. Известные «петербургские оппозиции» становятся одной из главных интенций текста. Обнаруживают они себя и в последнем, неоконченном романе Кузнецова «Планета Бетанкура», повествующем о петербургском периоде жизни испанского инженера О. Бетанкура, сыгравшего огромную роль в строительстве Петербурга. И здесь в разработке петербургской темы реализуются принципы поэтики двойственности. «Негативные» мотивы - климатический, чиновничества, разрухи, воровства нейтрализуются авторитетным «архитектурным» мотивом: «Бетанкур работал в контакте со всеми своими архитекторами, что позволило ему построить множество зданий в Санкт-Петербурге и создать в этом городе непревзойденный парадный фасад, неповторимый по красоте и ансамблевой согласованности, который на многие столетия станет отличительной чертой его от всех остальных городов мира» (Кузнецов 2011).

Исследователи новой петербургской прозы пытаются снять остроту проблемы, связанной с открытостью / закрытостью петербургского текста, обосновывая свою точку зрения появлением работ о ленинградском тексте как главе петербургского (Вейсман 2005, Сипко 2006). Проза Кузнецова, хотя и находится на периферии петербургского текста, тем не менее фактом своего существования поддерживает его современный статус.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вейсман И.З. (2005): Ленинградский текст Сергея Довлатова. Автореферат дисс. ... канд.филол.н., Саратов.
- Ермоченко Т.К. (2008): Поэтика новой петербургской прозы конца XX – начала XXI веков. Автореферат дисс. ... канд.филол.н., Брянск.
- Иванов А. (1999) «Вымысел или реальность?» Питерbook, № 5. С.3.
- Кузнецов Д.И. (1993): Рассказы. СПб.
- Кузнецов Д.И. (2003): Чужая ночь: Повести. Издательство «Северная Звезда». СПб.
- Кузнецов Д.И. (2009): Перед взрывом: исторический роман. Издательство Политехн. ун-та.СПб.
- Кузнецов Д.И. (2011): Рукопись.
- «Он почти как Экзюпери...» (Интервью) (1996): Политехник, № 25(3176).
- Рекшан В. (1999) : «Воровать и разгильдяйничать», Этажерка, № 14(123). 9 апр. С.14
- Сипко Ю.Н. (2006): Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века. Автореферат дисс. ... канд.филол.н., Ставрополь.
- Топоров В.Н. (1995): «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему): Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Издательская группа «Прогресс» - «Культура». Москва.